

НЕФЕЛИМ

Татьяна Лемеш

в чужом теле
путешествия во времени

18+

Татьяна Лемеш Нефелим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39850917

SelfPub; 2020

Аннотация

Попала в чужое тело? Да ладно, справлюсь! Тело мужчины? Хм, ну и что? Где наша не пропадала?! Любовь и сострадание? Нет, эти розовые сопли не для меня... В прошлое? Попробую... С драконом? Ну, это уж слишком... Оформление обложки: Татьяна Лемеш.

Содержание

ЧАСТЬ 1. Прелюдия	4
ГЛАВА 1.1	4
ГЛАВА 1.2	21
ГЛАВА 1.3	35
ЧАСТЬ 2. Люся	46
ГЛАВА 2.1	46
ГЛАВА 2.2	59
ГЛАВА 2.3	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

ЧАСТЬ 1. Прелюдия

ГЛАВА 1.1

...Драконы... Опять драконы! Ну почему эти замшелые домохозяйки и инфантильные девицы так похожи в своих пристрастиях? Почему не крокодил, например? А, ну да – он же не летает, не так романтично... Да и черепаха тоже с героем как-то не ассоциируется... Кто там еще из рептилий? Воспоминание о скользких безногих шипящих тварях заставило меня вздрогнуть. С детства боюсь змей. Хотя вживую их не встречала, разве что в террариуме. В городе им некомфортно.

Я подняла взгляд. Соседка по вагону не отрывала носа и сияющих глаз от раскрытой, уже порядком помятой и замусоленной книжки. Дешевый мягкий переплет, экономный размер «покет бук». На обложке очередное чешуйчатое чудище одним взглядом доводит полураздетую девицу до оргазма. Поразительно, почему вроде бы вменяемые люди так резко заинтересовались сказочным животным? Да еще в том контексте, что на самом деле это брутальный красавец и превращение в рептилию всего лишь один из пунктов его распорядка дня! Почему вдруг дамы полюбили драконов? Так хочется ощутить себя беспомощной куколкой без всякой от-

ветственности? Трепли меня, терзай, я вся твоя?

Я презрительно хмыкнула и посмотрела в окно. Электричка... Что может быть ужасней? Транспорт пенсионеров, оголтелых студентов и разного плана неудачников. Запах дешевых сигарет и редко мытого тела, неухоженные лица и загрубевшие руки, огромные пакеты с таинственным товаром, звон банок в стареньких матерчатых сумках старушек... Я гордо вскинула подбородок. Так уж сложилась, что я впервые пользуюсь этим транспортом. Да нет, неправильно – не сложилось, я сама так сложила, без богатых пап и папиков. Сама, своим умом и напористостью.

Толстуха на противоположной такой же твердой скамейке с тихой завистью меня оглядывала. На ее запущенном полном лице ясно читалось: «Ну конечно, с деньгами можно хорошо выглядеть, в СПА и в зал ходить, а я тут с детьми зашиваюсь...!» Я криво ухмыльнулась. Нет, дорогуша, никто меня не кормит, я сама! И хотя детей нет, но на СПА и зал времени тоже нет. Просто я себя не на мусорке нашла, потому так и выгляжу даже в свой тридцатник! Мне некогда обедаться домашней стряпней на ночь и потом томно вздыхать у телевизора или валяться с книгой на диване, впитывая странные эротические фантазии автора. И вовсе я не шлюха и не одним местом всего добилась!

Мысленно высказав все это толстухе, я удовлетворенно улыбнулась – она недовольно отвела взгляд, я победила в этой игре в гляделки! Как всегда! Я всегда побеждаю – золо-

тая медаль в школе, борьба за бесплатное место в институте, работа... О работе лучше и не вспоминать, перечень моих личных побед затянется до конца поездки.

Я опять перевела взгляд на девушку с книгой. Молодая и неиспорченная, неухоженная копна рыжих кудряшек, крупные веснушки, восторженные глаза в тон волос. За время нашей поездки она убрала с полки книги – интересно, она там хоть что-то понимает или просто таким образом убивает время? Эх, этот бы азарт – да в дело! Вот мне, например, такая энтузиастка в роли помощницы совсем бы не помешала! Да нет, не выйдет из нее ничего путного – ее мир там, в книге... Это доказывает и копна на голове и неряшливая одежда. Я тяжело вздохнула и перевела взгляд в окно.

А почему же все-таки драконы? Интересно, а откуда они вообще взялись? Может, недовымершие динозавры? Ну не на пустом же месте люд придумал такое вот крылатое и чешуйчатое существо? Тем более, в древности вряд ли была так развита археология...

Дедуля слева зашевелился и подпер мое бедро своим старческим острым коленом. Ну вот, мало того, что он тут издаст такие запахи, причмокивает и бормочет во сне, так еще и это! Наверное, чтобы совсем уж довести меня до белого каления, его седая голова со стекающей из приоткрытого рта слюной склонилась на мое плечо. Ну, это уж слишком! От возмущения я сильно и резко дернула плечом. Дедуля проснулся, виновато посмотрел слезящимися после сна ста-

рыми глазами и прошамкал:

– Извини, дочка, задремал. – характерные морщины вокруг рта прозрачно намекали на некомплект зубов, а на вставную челюсть, похоже, у дедули денег нет. – Я вот в район еду. А ты чего такая смурная? Обидел кто?

Я неприязненно отвернулась. Не хотелось грубить дедуле, но и разговаривать с ним тоже не резон – ведь не отстанет, начнет жаловаться да про свою жизнь рассказывать. Не услышав ответа, дедуля обиженно замолчал. Рыжая девица подняла укоризненный взор от книги. Я напряглась и приготовилась к бою. Девица опять опустила взгляд в книгу. Вот так-то лучше, сиди там, со своими драконами...

Я опять засмотрелась на проплывающие подмосковные березки. Интересно, а драконы живут только в сказочном антураже выдуманных стран, удивительно напоминающих средневековую Европу, или у нас тоже? Я представила себе, как между березками выглядывает такое вот чудище, как идет через трассу, затаптывает машины и создает аварии и пробки, как при взлете оно задевает крыльями линии электропередач, все загорается, дракон в ярости плюет огнем – дым, визг, грохот... Но нет, это уже немного другой жанр.

Тут меня осенила идея – дракон вдоль трассы тащит на буксире мою машинку, ему приходится лететь низко, а просто взять ее в лапы и понести не потянет – две тонны все-таки... Тяжело вздымаются огромные крылья, встречные машины в испуге нас пропускают и даже ДПС ничего не может

с этим поделаться. А где написано, что запрещена буксировка драконом? А не запрещено – значит, разрешено. Да, было бы неплохо... Вряд ли его смутила бы моя карта для оплаты такой неоценимой услуги, это только у людей в захолустье с этим проблемы. И вот мне пришлось, отыскав в бардачке хоть и очень мелкие, но наличные, садиться на этот ущербный вид транспорта и катить восвояси, оставив машинку на обочине. А еще при столкновении мой планшет приказал долго жить... Ну и кому бы я позвонила? Разве что Антону... Да пошел он! М-да, дракон бы не помешал. Уж с ним бы я как-нибудь рассчиталась. Может натурой, как девица на обложке? Представив себе эту нелепую ситуацию, я расплылась в улыбке. Увидев это, давно шуршащий чем-то дедуля предложил:

– Дочка, а хочешь вот пирожки с щавелем? Я сам испек, как моя Манечка научила! – с мальчишеской гордостью প্রশামকাল дедуля.

Я обернулась. На выцветших брюках покоилась развернутая газетка, а на ней – странного вида ...пирожки. Бесформенные, как лапти, и совсем неаппетитные. Я холодно процедила:

– Спасибо, я не голодна.

Давно поглядывающая на нас с дедулей толстуха не выдержала:

– Да оставьте вы ее, дедушка! Вы же видите – это и не человек вовсе, а бездушная столичная стерва! Для нее же ни-

чего святого нет, мы для нее вообще не люди, а «замкадыши»!

Дедуля грустно на меня посмотрел, тяжело вздохнул и убрал свой сверток. Я уже набрала в грудь воздуха, чтобы одарить толстуху возникающей в голове многоэтажной конструкцией, но вдруг поезд покачнулся и от толчка я даже поперхнулась. Ну, сегодня у меня день резких остановок! Дедуля поправил ручки матерчатой сумки, взял свою тросточку, наградил меня печальным взглядом и пошел к выходу. Я зловеще ухмыльнулась – ну сейчас-то я устрою толстухе по полной программе, при дедуле это было неловко. А заодно пусть и девица с драконами послушает, чтоб неповадно было на меня наезжать!

Некоторые вышли из вагона и многие зашли. Рядом со мной бесцеремонно бухнулось на скамью чье-то молодое тело и придавило мое бедро своим, нагло расставив колени в светлых потрепанных джинсах. Я возмущенно обернулась к нему и обомлела...

Мне никогда не нравились светлые глаза у мужчин. Если уж серые – то до свинца, если уж карие – то до черноты, как у Антона. Если уж голубые – то как небо. Еще многое зависит от наличия лучиков или пятнышек – без них светлые глаза всегда казались мне вялыми, пустыми. И вот сейчас я поняла, что жестоко ошибалась!

На меня смотрели в упор самые необычные глаза, которые

мне когда-либо доводилось видеть – светло-зеленые с оранжевой снежинкой у зрачка. Да, именно так – по желто-зеленому полю бежали оранжево-коричневые лучики, и я не могла оторвать от них взгляда. Они притягивали и лишали воли. Через несколько долгих секунд я моргнула и пришла в себя. Сознательно избегая этих глаз, я немного отстранилась и, возмущенно выгнув бровь, осмотрела наглого типа. Темные волосы и смуглая кожа совсем не вязалась с настолько светлыми глазами, футболка с растянутой горловиной и ранее замеченные джинсы тоже его не красили – я уже приготовилась отшить этого неопрятного субъекта, но он протянул свою руку к моей, нагло переплел наши пальцы и сильно сжал мою кисть. Я и опешила от такого нахальства. Это ж надо! Я растерянно обвела взглядом окружающих в поисках камеры или хихикающих друзей невменяемого агрессора. Толстуха наблюдала за нами с кривой ухмылкой – по-видимому, она подумала, что мы вместе. Я набрала побольше воздуха и уже приоткрыла рот, чтобы обматерить их всех, но тип со странными глазами закрыл его поцелуем. Меня бросило в жар, и я чуть не задохнулась от возмущения. Он отстранился, оставив меня недоуменно хлопать ресницами. Толстуха напротив с явной ехидцей произнесла:

– Вы очень вовремя, молодой человек! У вашей дамы такой скверный характер, что она портит жизнь окружающим. А с вами – как птичка какая – молчит, мор... лицо не кривит, никого не обижает... Совсем ведь другой человек!

Мой сосед крепче сжал мне руку, перебив приступ справедливой ярости, и лучезарно улыбнулся соседкам напротив. Девушка с драконами даже отвлеклась от своего чтения и вместе с толстухой расплылась в ответной улыбке. Я попыталась прервать их расшаркивания и поставить на место и их, и незнакомца, но ...не смогла. В горле возникло странное першение – казалось, проходящему при дыхании воздуху не за что зацепиться, будто голосовые связки стали гладкими и невесомыми и теперь мне не дано издать ни звука. Я испугалась и судорожно дернулась, пытаюсь вырвать руку из цепкой хватки. И тут в моей голове ясно прозвучало:

– Успокойся.

Это было так дико и странно – я четко услышала это слово, я понимала, кто его произнес, но все это время губы незнакомца оставались сомкнутыми. Меня обуял животный страх. Будто почувствовав это, мужчина опять посмотрел мне в глаза и в голове возникли новые слова:

– Тебе не стоит меня бояться. Не сейчас.

Потом он как ни в чем ни бывало обратился к моим спутницам. «В реале» он обладал очень приятным воркующим басом, а вот в голове я не смогла определить его голос, там его попросту не было. Вот именно так – я слышала и понимала слова, но не звуками, а ...мыслями.

– Вы уж извините нас, красавицы. Мы немного повздорили, ну с кем не бывает. Милые ссорятся – только тешатся, так? Вот моя ...спутница и сорвалась на окружающих.

Разомлевшие рыжая и толстуха разругались и наперебой принялись доказывать, что они не в обиде. Меня все это порядком разозлило, и я опять попыталась освободиться. А он без всякого стеснения прижал обе наши руки к груди и накрыл их своей ладонью. Со стороны это казалось просто жестом нежности. Рука меня не слушалась, будто затекла от долгого бездействия – я не могла пошевелить пальцами и чувствовала только жар его тела. Да кто же ты, черт тебя дерит?! Внезапно он опять посмотрел мне в глаза, чему-то чуть усмехнулся и в моей голове прозвучал голос:

– Узнаешь в своё время. А драть себя я никому не позволю.

Я опешила и подумала:

– Ну ничего себе! Ты что, читаешь мои мысли?

И услышала в ответ:

– Да, именно так.

А потом все с той же обворожительной улыбкой он обратился к нашим соседкам:

– Вы не переживайте, мы уже скоро выходим!

Толстуха удивленно переспросила:

– Вот как? А вы разве до Москвы не едете?

– Нет, милая, не едем.

Толстуха растеклась от ласкового слова и снова окинула меня завистливым взглядом, теперь уже по другой причине. Мой странный спутник явно вскружил головы этим курицам. Стоило мне об этом подумать, как я тут же услышала

в своей голове:

– Курицам, говоришь? Ну-ну...

Я рассвирепела и попыталась закричать, но результатом была только кривая усмешка и порция чужих мыслей внутри:

– Ты сейчас выглядишь очень глупо, яростно сверкая глазами и молча раскрывая рот. Подумай об этом – ты же всегда боялась глупо выглядеть, правда?

Мне стало страшно, и я мысленно завопила:

– Убирайся из моей головы! Да кто ты такой?! И не буду я с тобой никуда выходить – это уже похищение, ты это понимаешь? И отпусти мою руку, нечего меня лапать!

Вместо ответа он опять ухмыльнулся и в моей голове прозвучало:

– Я тебя не лапал. Пока.

Я и опешила – так чего же мне стоит ждать?

Вскоре поезд замедлил ход, незнакомец встал и потянул меня за руку. Я и не собиралась вставать и только нагло смотрела ему в глаза. Опять попыталась высказать все, что думаю, но у меня ничего не получилось. Что ж, будем общаться мысленно. Он опять ухмыльнулся:

– Ты же понимаешь, что не сможешь меня обмануть? Я ведь вижу твои мысли, а не слышу извращенные ложью слова.

От осознания его правоты мне стало не по себе. Он сжал мою ладонь, и я вдруг почувствовала, как через нее прохо-

дят вибрации по всему телу, а особенно в направлении ног. Незаметно для себя я встала и пошла за ним. А он в это время махал нашим остающимся соседкам и тепло им улыбался. Они раскраснелись и махали в ответ. Я же стояла и судорожно пыталась успокоить мысли. Как же от него вырваться, если он их читает?!

Как влюбленные конфетно-букетного периода мы за ручку вышли из вагона.

Я оказалась на перроне. Под профессионально-неразборчивое бормотание диспетчера моя электричка со страшным грохотом удалялась. Меня разбирала злость, плавно переходящая в панику – ведь я должна быть там, в электричке, через каких-нибудь пару часов я была бы уже дома, а теперь по нелепому стечению обстоятельств я стою за ручку с незнакомым наглым типом на станции неизвестного населенного пункта и мое будущее как никогда ранее покрыто мраком! Я попыталась вырваться, но мои усилия оказались напрасными – ватные руки и ноги меня не слушались. Я зло посмотрела в глаза моему похитителю и мысленно спросила:

– Ну, и что теперь?

На что получила ответ:

– Сейчас мы медленно и спокойно отсюда уйдем.

– Куда?

– В лес.

– Это еще зачем?

– Узнаешь позже.

Я даже затряслась от ярости, после чего протяжно вдохнула, применив свой любимый метод успокоения в стрессовых ситуациях, хотя надо признать – им было далеко до сегодняшней. Похититель наблюдал за мной с насмешливой улыбкой. Я все искала хоть какую-то зацепку:

– А почему медленно и спокойно? Боишься?

– Мы не должны обращать на себя внимания.

Вот как? Я оглянулась и увидела недалеко от нас людей. Обычные ожидающие своей электрички селяне. Нужно позвать на помощь, только вот как – если невозможно ни закричать, ни вырваться? Разве что взглядом... Я в упор смотрела на ближайшую тетку в надежде, что она обернется и ее заинтересует мой отчаянный взгляд. Моя затея увенчалась успехом, тетка обернулась и с недоумением всмотрелась в мои чуть ли не плачущие глаза. Мой спутник тоже это заметил, взял второй рукой за подбородок и громко, чтобы слышали селяне, с сочувствием произнес:

– Ну что ты, дорогая, не расстраивайся ты так, сядем на следующую электричку!

После чего опять меня поцеловал. Я и не собиралась закрывать глаза и увидела, как тетка хмыкнула и отвернулась. А наглый тип и не думал останавливаться – по-видимому, поцелуи ему нравились. Стоило мне об этом подумать, как в голове пронеслось:

– Ну ты же не будешь меня уверять, что они не нравятся

тебе?

Я смутилась и не нашла ничего лучшего, чем ответить:

– Да пошел ты! А почему я не могу разговаривать?

– А зачем? Мы же и так друг друга отлично понимаем.

– Ты это так называешь? Кто ты вообще такой?! И зачем нам идти в лес?

– Как много вопросов! Кто я – пока неважно. Скажем так – я ...тебя забираю.

– Куда это ты меня забираешь?

– В гости.

– В гости ходят добровольно! Хотя такому фрику, как ты – это, скорее всего, неизвестно!

И тут я вспомнила об еще одной своей проблеме. Глубоко подышав и изгнав из сознания все тайные мысли, я заявила:

– Отпусти меня, болван, мне нужно ...облегчиться.

Он внимательно посмотрел мне в глаза, но возразить не смог – ведь это было правдой. Уже долгое время я мучилась, но не могла себя заставить посетить вонючий туалет в электричке. Убедившись в моей правдивости, он потянул меня к кромке леса, бодро вышагивая по мокрому после дождя асфальту. Только сейчас я обратила внимание на босые ноги моего спутника. Мы зашли на десяток метров в лес, там он в нерешительности остановился и глядя мне в глаза, мысленно спросил:

– Как твое имя?

– А тебе зачем?

Он угрожающе нахмурился и крепче сжал мою руку. Я назвала первое пришедшее на ум имя:

– Юлия.

Он еще сильнее сжал мне руку:

– Скажи мне свое настоящее имя!

– Ольга!

Он ухмыльнулся и ослабил хватку. Я решила усыпить его бдительность и спросила:

– А как мне называть тебя?

– Как хочешь. Фрик, наглый тип, невменяемый агрессор, неопрятный субъект... – любым именем из тех, что ты меня обзывала.

Мне почему-то стало неловко:

– Я тебя так не обзывала! Нечего чужие мысли подслушивать! Так ты меня отпустишь или мне прямо здесь свои дела делать?

Он недовольно поморщился и мысленно ответил:

– Хорошо. У тебя пять минут. Не дури.

И отпустил меня. Как только наши руки разъединились, я почувствовала себя свободной – никто не лез ко мне в голову, и я уже не ощущала сухость в горле. Я немного помычала, проверяя свою догадку – да, я снова могла говорить. Затаившись за кустами, я продумывала план побега. Бежать в лес бессмысленно, нужно вернуться на станцию, к людям! Ну может же там быть какой-нибудь пост полиции?! Не будет же он меня ловить среди людей? Быстро закончив свои

дела, я побежала. Каблуки застревали в прелой листве, ветви кустарников царапали мне лицо, но мы еще не успели далеко зайти. У кромки леса на лавке сидели четверо молодых парней и пили пиво. Я выбежала из леса и обернулась – мой похититель был буквально в трех метрах от меня. Нахмурившись, он прожигал меня своими ненормальными глазами. Я побежала к парням и завопила:

– Помогите! Спасите меня от этого придурка!

Было немного стыдно, но страх оказался сильнее стыда. Ребята вскочили и обернулись в нашу сторону. Один из них, крепкий рыжеватый парень с провинциальной прической оказался ближе всех, и я вцепилась в его локоть. Ребята уже были хорошо навеселе. Парень мутными глазами оглядел меня и недоуменно спросил:

– Эй, красавица, ты че? От какого придурка?

Я молча указала пальцем на приближающегося босоногого похитителя. Он подходил очень медленно и плавно. Смерив его взглядом, мой новоявленный защитник удивленно спросил:

– А че? Че он сделал-то?

Босоногий уже был возле нас. Я не выдержала и завизжала:

– Он меня похитил! Не давай ему до тебя дотрагиваться! Потом не сможешь ни двигаться, ни говорить!

Парень глупо моргал:

– Это как? Че ты мелешь? Ты под кайфом, что ли?

А между тем мой похититель положил ладонь на плечо моему защитнику, расплылся в дружелюбной улыбке и мирно произнес:

– Ты прав, мой друг. Она не в себе.

И протянул вторую руку ко мне:

– Пойдем, дорогая! Тебе нужно успокоиться.

Я попыталась убежать, найти менее доверчивых защитников, но не тут-то было – похититель схватил меня за руку, опять переплел наши пальцы и ...все. Я опять не принадлежала себе. Он с показной нежностью меня обнял и повел в сторону леса.

Я слышала голос за спиной:

– Да, тяжело братану с такой тёлой... Он как подошел и руку мне положил, так я сразу и понял, что он нормальный пацан, а вот тёла быкует. Да уж, не свезло...

От досады у меня на глазах выступили слезы. Как бездарно я профукала такую возможность! Теперь-то этот гад меня вряд ли отпустит...

Стремительно темнело. Мы уже зашли в лес и какое-то время по нему шли. Я не ощущала движения ног, автоматически шла, иногда спотыкаясь об опавшие ветви или застревая каблуками во мху и толстом слое листвы. Мой спутник вел меня за руку. Как и следовало ожидать, после очередной коряги я начала падать. Он подхватил меня и какое-то время недовольно разглядывал. Потом до чего-то додумался, просветлел лицом и мысленно заявил:

– Да, так будет лучше для всех. Спи!

Я недоуменно на него смотрела – что, вот так вот запросто, стоя, взять и уснуть?!

Он положил ладонь мне на лицо, чуть напряг пальцы и я отключилась.

ГЛАВА 1.2

Я проснулась от легких прикосновений. Кто-то мягко ощупывал мои ребра. Я открыла глаза – задрал мне рубашку, надо мной склонился человек – то ли женщина, то ли мужчина, непонятного в полумраке серебристого цвета волосы свисали почти до пола. Заметив мое изменившееся дыхание, он посмотрел мне в глаза. Все-таки мужчина. Глаза очень красивой формы с огромными расширенными от недостатка света зрачками, чистая кожа и очень уж правильные черты лица. Он ободряюще улыбнулся, и у меня отлегло от сердца. А где же тот тип со снежинкой в глазах?

Вспомнив о своих приключениях, я рывком села. Ребра болели так, будто их сжимали тисками. Серебристый блондин с сочувствием смотрел мне в глаза. Я просипела:

– Привет. Ты кто?

Блондин явно замешкался, а потом, откашлявшись и какое-то время подышав, очень тихо, почти шепотом ответил:

– Привет. Я... друг. Не вставай пока, тем более так резко.

– Да? А почему? Что со мной? Этот гад бил меня по ребрам?

Блондин тяжело вздохнул и закрыл руками лицо. Какое-то время так посидев, он медленно спустил пальцы. В его взгляде мелькнула усталость, быстро сменившаяся доброжелательностью, и он опять прошептал:

– Нет. Не бил. Он скоро вернется.

Вспомнив о способностях странного пройдохи, я начала вставать. Одернув рубашку, я обнаружила, что и она, и пиджак в жутком состоянии – поперечные ... даже не разрезы, а разрывы почти по всей окружности. Из-за этого одежда висела наперекосяк странными полосами и ниже груди ничего толком не закрывала. Я подняла взгляд на моего собеседника:

– А это что?!

– Это ... сделал не я.

Я внимательно его осмотрела – довольно высокий, хорошо сложен, в странной одежде из темных тканей. Потом я огляделась – мы стояли в пещере, а мой собеседник заслонял собой светлое пятно выхода. Я спросила:

– А где мы вообще?

Снаружи был ясный день, а ведь мои последние воспоминания – это поздний вечер! Интересно, а что же произошло ночью?

Я подошла к выходу и обнаружила, что стою на обрыве и с высоты не менее тридцатого этажа оглядываю пушистый ковер леса. Я балансировала на пороге пещеры в скале из серого камня. Сердце ушло в пятки, а блондин схватил меня за руку и прошептал:

– Осторожно! Ты не сможешь уйти этим путем!

Я отступила на два шага и в ужасе спросила:

– Что за хрень?! Где мы вообще? Как я сюда попала? И

почему ты разговариваешь шепотом?

Он хмыкнул и опять прошептал:

– Извини, но по-другому не могу. Вернее могу, но... Так будет лучше.

– М-да?

Я обернулась и оторопела – сейчас, при обычном освещении я смогла толком его разглядеть. Огромные даже при свете зрачки, неестественно обширная и яркая радужка, почти полное отсутствие белка... Это что еще такое? Может, я действительно «под кайфом»?

– А ты кто?

– Ты можешь звать меня ...Тайлиэн.

– Это что – имя такое?

– Ну, скажем – часть имени. – шипло прошептал он. А я не унималась:

– М-да? А как мы здесь очутились? Что это за горы? А что у тебя с глазами? И где это придурок, что порвал мне одежду? Ты знаешь, как отсюда спуститься?

От этих вопросов блондин закатил свои ненормальные глаза и мягко, но настойчиво затолкал меня подальше от края пещеры.

Вдруг раздался странный звук, очень напоминающий звук хлопающего на ветру паруса, а потом снизу за порог пещеры уцепились чьи-то огромные когти. Я застыла от страха и не сводила с них глаз. Вскоре вслед за когтями появилась голова ящера – вытянутая черепушка, обтянутая блестящей,

похожей на крокодилию, кожей. Так как глаза у него находились по бокам головы, как у ящерицы, то он повернулся к нам боком и внимательно наблюдал за происходящим. Я в истерике забилась под самую стену пещеры, сжалась в комочек и даже накрыла голову руками в надежде, что ящер меня не заметит и сначала перекусит моим белобрысым приятелем. Какое-то время так посидев и не услышав никаких звуков, я осторожно приоткрыла глаза и подняла голову. Весь обзор закрывал подол одежды блондина – длинный то ли плащ, то ли пальто, я так и не разглядела. Но он стоял спокойно и убегать не собирался. Хм, может это у него такой домашний питомец? Будто оправдывая мою догадку, Тайлиэн заговорил:

– Да ты хоть понимаешь, что наделал?! Ты понимаешь – чем рисковал?! Ты же подставил под удар нас всех! Ради чего?!

Белобрысый распалялся и по мере этого его голос становился громче и звонче. В какой-то момент он дошел до уровня звона хрусталя, а потом мои уши просто не выдержали таких звуков, казалось – в голове осколки того самого хрусталя. Я зажала уши руками и закричала от боли. По моим рукам что-то текло – почему-то я не сомневалась, что это кровь. Звон прекратился, а потом я почувствовала, как кто-то взял мои руки и пытается оторвать их от головы. Я приоткрыла глаза – передо мной на корточках сидел белобрысый и участливо смотрел своими чернящими огромными зрачка-

ми, а за его спиной стоял абсолютно голый мой вчерашний похититель.

Блондин явно чувствовал себя виноватым, а вот фрик приободрился и насмешливо ухмылялся. Тайлиэн заглянул мне в глаза:

– Прости. Я не хотел причинить тебе боль.

Потом он приложил ладони к моим ушам и в них возник неприятный зуд – будто там ползают насекомые. Ужасное чувство, сразу захотелось залезть туда пальцем и потрясти головой, что я и попыталась сделать. Блондин неодобрительно нахмурился и бесцеремонно рванул мою и так исполосованную рубашку. От его рывка почти вся ее нижняя часть осталась у него в руках. Я даже оторопела от возмущения, а он, окончательно разодрав ткань на ленты, как ни в чем ни бывало начал перебинтовывать мне голову. Я протянула руки, чтобы сорвать повязку, но он перехватил мои кисти и пристально глядя в глаза, прошептал:

– Не заставляй меня связывать тебе руки.

Хотя слой ткани на ушах значительно заглушал звуки, но все же я странным образом поняла и ...послушалась. Белобрысый снисходительно улыбнулся, встал и обернулся к голому типу.

– Ну и? Я тебя слушаю. – он заговорил очень тихо, да еще и спиной ко мне, поэтому мне пришлось прилагать усилия, чтобы услышать хоть что-нибудь.

Обнаженный фрик насмешливо ухмыльнулся:

– Тебя это не касается!

Белобрысый повысил громкость:

– Тебе все мало? Опять за старое?! Мало вас погибло? Ничего нельзя не высовываться? Просто ходить меж ними уже скучно?!

Даже сквозь ткань его хрустальный голос причинял страдания моим ушам. Я обхватила голову руками. Мой похититель это заметил и указал на меня головой. Тайлиэн обернулся, смерил меня взглядом и опять зашипел – теперь я уже ничего не слышала. Голый тип слушал его, опустив голову, как первоклашка в кабинете директора. Потом, видимо, не выдержал и стал огрызаться:

– Да ты не слышал ее мыслей! Как она презирует всех и вся вокруг! Её ничем не обоснованная гордыня поражает невинных людей, и меня в том числе! Она выкачивает энергию из всех, кто не так жесток и резок, как она! Она заслужила... наказание!

Тайлиэн опять зазвенел:

– И ты решил, что вправе ее судить и наказывать?! Да кем ты себя возомнил?! Не пытайся обманывать хотя бы себя – ты просто захотел ее укротить и поиметь, ты нашел повод осуществить свое желание в обход их законов! Ты ведь мог все сделать по-тихому в лесу, но нет – твоя гордыня посчитала это недостаточным!

Голый тип молчал, раздувая ноздри и исподлобья погля-

дывая на собеседника. Время от времени он глубоко вдыхал и как-то странно раздвигал лопатки – от этого его движения мне становилось жутко. Хотя его вид в целом вызывал совсем другие мысли и чувства.

Я девушка взрослая и самостоятельная, отнюдь не ханжа, я люблю и умею получать удовольствие от жизни в разных ее проявлениях. Похититель оказался чудо как хорош и я внимательно его разглядывала. Поймав мой взгляд, он ухмыльнулся и обратился к белобрысому:

– Да она и сейчас ничего не поняла. Такая же наглая и дерзкая! И совсем не боится.

Блондин обернулся ко мне и тоже улыбнулся. Потом ответил фрику:

– Силой ты ничего не добьешься! Она будет бояться и ненавидеть, но все равно не раскается в своих ошибках...

– А ты действительно веришь, что сможешь ее пристыдить – и она сразу исправится? Ты отстал от эпохи, они уже совсем другие, плевать она хотела на твои нотации!

– Зато ты, как я смотрю – многое у них перенимаешь! Я и не собирался ее увещевать, я прекрасно понимаю – взывать к разуму бесполезно! Здесь нужно действовать ...глубже. Но дело не в этом – ты нарушил договор Теней! Ты заслужил наказание не меньше нее!

Мой похититель злобно сверкнул глазами, в два шага подошел к выходу, раскинул руки и прыгнул вниз. Я только успела испугаться, как уже на расстоянии от нас почти вер-

тикально в небо взмыл ...дракон.

До сих пор сжимаясь у стены, я испуганно наблюдала за происходящим. Впервые за ... даже не помню, сколько лет я действительно испугалась. Белобрысый какое-то время глубоко дышал у входа, а потом обернулся ко мне, ободряюще улыбнулся и прошептал:

– Не бойся, я не причиню тебе вреда.

– Н-да? Кто вы, черт возьми, такие? Зачем меня сюда приволокли? Эта ящерка – то, о чем я думаю?

Он опять улыбнулся:

– Постарайся успокоиться. Иди сюда.

Он уселся на край пещеры, свесив ноги вниз, и приглашающе похлопал по месту рядом с собой. Я осторожно пошла, но каблук застрял в камешках на полу пещеры, и я сильно вывихнула ногу в щиколотке. Вскрикнув от боли, я перенесла вес на здоровую ногу и только сейчас обратила внимание, что на ней нет обуви. Тайлиэн подошел ко мне, повесил мою руку себе на шею и все-таки довелок меня до края пещеры. Я сжалась в судороге – может, он и меня сейчас сбросит во избежание проблем? Я чувствовала себя явно нежеланной свидетельницей их разговоров, да и вообще... То ли я действительно под кайфом, то ли...

– Ты мне ответишь или как?

– Отвечу. Дай ладонь.

Я вспомнила своего похитителя и подозрительно прищу-

рилась:

– Это еще зачем?

Он понимающе хмыкнул:

– Просто дай ладонь. Я помогу тебе успокоиться.

– М-да? А почему ладонь?

– О, это очень важная часть тела. Но на данный момент вы об этом забыли. Как ты думаешь – слова «лад», «поладить», «ладный», «отладка», «приладить» имеют ли что-то общее со словом «ладонь»?

– Ну, э... Я об этом как-то не задумывалась. Это же просто слова.

– Слова – это не так просто. Раньше вы это понимали. И пользовались ими гораздо более ...умело. Ваш язык на удивление точен и искусен. Сейчас-то вы его урезали и очень упростили, но окончательно не убили.

– Ты о чем вообще? Язык как язык. Другие не хуже. И в чем это мы его урезали? Понятное дело, со временем что-то устаревает, а что-то приходит из других языков, но думаю – сейчас мой язык никак не беднее, чем раньше.

Тайлиэн пренебрежительно хмыкнул:

– Раньше вы осознавали смысл слова и умели им пользоваться. Ты действительно считаешь, что твои предки были менее развиты, чем ты и твои современники?

– Ну ясен красен. Для того и существует прогресс, для того и трудимся не покладая рук. Насколько я помню – до Кирилла и Мефодия даже азбуки не было, а до Владимира с

его христианством здесь вообще была дичь и пустошь!

Он с ехидцей ответил:

– Ну да, именно поэтому чужеземцы называли эту землю «Гардарикой», страной городов, именно поэтому за сто лет до твоего христианства эти «дикари» осаждали «столицу мира» того времени на двух тысячах ...кораблей и заставили их долгие годы платить дань? И многие тысячелетия до того существовало руническое письмо, в которой каждый символ имел свой смысл, впоследствии замененный бессмысленным набором звуков!

Блондин смутил меня своими рассуждениями, но я быстро пришла в себя:

– Это ты меня так отвлек, да? К чему весь этот псевдонаучный бред, лучше расскажи мне о насущном! А именно – кто ты, кто голый фрик-ящерка, где я и что со мной будет дальше?

Он горько усмехнулся:

– Что ж, хорошо. Вижу, ты уже успокоилась.

Я опешила – а ведь действительно, под все эти отвлеченные разговоры он массировал мне ладонь, и в результате я оказалась на удивление спокойной, хотя только несколько минут назад была на грани нервного срыва. Теперь же я наполнилась философским умиротворением, чего со мной вообще никогда не случалось. Я решила взять инициативу в свои руки:

– Да, успокоилась. Итак, начнем сначала. Ты кто?

Все это время он разглядывал мою ладонь или лес под нашими ногами, а теперь повернулся и пристально уставился мне в глаза. Я вздрогнула, в прошлый раз мне не показалось – с глазами у него явно что-то не то.

– Это у тебя такие линзы, что ли?

Он улыбнулся и перебросил свою роскошную шевелюру на противоположную от меня сторону. От неожиданности я чуть не упала вниз – много разных ушей мне приходилось видеть, но это...

Ухо практически не имело мочки, но вот верхняя его часть выступала более чем на треть длины уха, да еще и заканчивалось откровенным уголком. В моей голове что-то щелкнуло и я мигом вспомнила виденные в подростковом возрасте нашумевшие фильмы, после того я с этой ахинеей не сталкивалась. Я судорожно пыталась найти другое, более адекватное объяснение. Он опять обернулся и с улыбкой за мной наблюдал.

– Я вижу – вы все еще о нас помните, хотя и в значительно искаженном виде.

Я решила включить дурочку и притвориться, что ничего не поняла:

– Это у тебя для терморегуляции такие раковины, как у пустынных лис? Или для лучшего улавливания звуков, как у летучих мышей?

Он рассмеялся, хотя до хрустального звона не дошел, но я уже напряглась.

– Да уж, с вами не соскучишься! Я понимаю, почему многие предпочитают среди вас жить. Ты ведь поняла, кто я, не так ли? Так зачем спрашиваешь?

Я стояла на своем:

– А все-таки? Можно не морочить мне голову и ответить?

– У вас для нас много названий... Даже не знаю, которое и выбрать. И не вижу в этом смысла.

Меня задел его пренебрежительный тон по отношению к людям и я съязвила:

– А ты, я смотрю – не очень-то нас любишь?

Тайлиэн побледнел, зрачки его глаз еще расширились, и теперь на меня смотрела пугающая чернота:

– Любишь?! – белыми губами злобно прохрустел он – А с чего бы мне вас любить – жадных, завистливых, злобных и мелочных существ, уничтожающих все на своем пути?! Ненавидящих других только за то, что они отличны от них! Убивающих детей и детенышей, чтобы полностью вытравить невыгодный им вид?! Ради алчности не останавливающихся ни перед чем! Да вы же не смогли бы спокойно жить, зная, что не одни на планете!

Ого, как всё запущено... Я порядком струхнула. Увидев это, он замолчал и опять закрыл лицо руками. Теперь я ощутила необходимость как-то его отвлечь и успокоить:

– А ты, я смотрю – уже не шепчешь и не звенишь.

– Да, приспособился. Я ведь действительно очень давно с вами не сталкивался.

– А остальные окружающие твой голос нормально переносят?

– Да. Дело не в моем голосе, а в твоих ушах и пороге восприятия звука.

– Даже так? Хм... Так что, мы действительно не одни? А где же вы все прячетесь?

Не глядя на меня и горько скривив губы, он ответил:

– Да уж есть где... Вы еще не успели все изгадить.

– Но как же? А почему же вас никто не видит?

– Ну мы же не живем среди вас... По крайней мере, массово.

– То есть вы кучкуетесь в конкретных местах? Но как же спутниковое слежение, GPS...

Мой собеседник улыбнулся и весело на меня посмотрел, мимоходом сдернув с моей головы повязку из рубашки. Его зрачки уже приняли нормальный – для него – размер:

– Как же вы самоуверены! На Земле хватает мест, где можно жить спокойно.

– А слабо привести пример?

– Легко. Зеркальные горы, Такла-Макан, Бермудский треугольник, океан в целом... Да и вообще, в любом месте можно поставить заслон.

– Стоп! Насчет гор и треугольника что-то читала, но не вникала. А что насчет океана?

– Ну ты же знаешь, что поверхность планеты на три четверти покрыта водой. Три четверти – ты только вдумайся!

И только на одной четвертинке копошатся люди, да и то на меньшей ее части. Но при этом они мнят себя хозяевами планеты.

– Ой, да ладно – за последние полвека мы уже дно исследовали вдоль и поперек. И просто технодайверы, и в батискафах, и всяческие вездеходы, эхолокаторы...

Он опять снисходительно улыбнулся:

– Если я сейчас возьму тебя за руку и свешу над этим обрывом – ненадолго, на несколько минут – будешь ли ты потом утверждать, что изучила все окружающее – и эту гору, и лес внизу, и возможных обитателей внутри горы?

При этом монологе его зрачки опять расширились, и я опасливо отодвинулась, предположив, что он захочет проверить на практике. Тайлиэн пришел в себя:

– Не бойся. Давай просто сменим тему.

Вот уж псих... Ну давай. Чертов эльф.

ГЛАВА 1.3

– Давай. А о чем можно говорить, не опасаясь вывести тебя из адекватного состояния?

Он тяжело вздохнул:

– Задавай свои вопросы, только медленно и по одному. Я постараюсь утолить твоё любопытство.

– По одному, говоришь? Ладно, самый насущный – зачем меня сюда приволокли, и долго ли мне тут сидеть?

Тайлиэн усмехнулся:

– Это уже два вопроса.

– Хорошо, самый главный – когда ты меня отпустишь?

Немного помявшись, он ответил:

– Завтра на рассвете ты уже будешь не здесь.

Я значительно приободрилась:

– Уже лучше. Вопрос два – зачем меня сюда притащили?

Явно подбирая слова, он медленно произнес:

– Один ... человек решил поучить тебя хорошим манерам и немного сбить с тебя спесь.

От возмущения я даже вскочила на ноги, забыв о вывихнутой щиколотке – и чуть не упала с обрыва:

– Да что вы о себе возомнили? То есть вы будете измерять степень моей спеси и придумывать наказания? И какие же варианты? Это тот тип такое придумал, да? Где он вообще и кто он?

Теперь уже белобрысый зажал уши руками и страдальчески возвел глаза к небу:

– Это уже шесть вопросов. На них пусть он и ответит – я не обязан расхлебывать последствия его проделок. Нефелим! – выкрикнул он в пространство, и я так и не поняла – то ли он отвечает на вопрос, то ли кого-то зовет. Я с недоумением на него уставилась, но он уже на меня не смотрел.

Ну и? Мы сидели в полной тишине. Вдруг слева налетела неясная тень, и раздался уже знакомый мне звук хлопающего паруса. Не рискуя подниматься на больную ногу, я на четвереньках быстренько заползла в пещеру и уселась поближе к стене. Такая неожиданная активность сразу напомнила об еще одной проблеме – ребра болели нещадно. Но надо спастись, съесть-то может и не съест, а вот с обрыва сбросить – запросто. А потом скажет, что случайно получилось, не угадал с габаритами...

Я сжалась в комочек, внезапно почувствовав себя очень несчастной, почти раздетой, с больными ребрами и вывернутой ногой, да еще и в одной туфле. Интересно – с чего бы это? Обычно я не занимаюсь самоуничтожением и не играю на жалости! Подняв глаза, я обнаружила, что Тайлиэн стоит рядом и странно на меня смотрит. Я вдруг поняла, что это он внушает мне эти мысли и чувства. Интересно – зачем? И тут меня осенило – видимо, он предпочитает, чтобы я вызывала у фрика-ящерики жалость, а не гнев.

Я гордо выпрямилась, насколько это возможно, стоя на

одной ноге – ведь обутая стопа оказалась значительно выше. Голый тип безо всякого стеснения подошел ко мне, насмешливо глядя в глаза, потом провел большим пальцем по моим оголенным ребрам и обратился к Тайлиэну:

– Ты сможешь что-нибудь сделать?

– Да, конечно. Но я займусь этим завтра.

Я поняла, что они вообще-то обо мне и возмутилась:

– Что? Ты же обещал, что утром я уже буду не здесь!

Блондин спокойно ответил:

– Так оно и будет. Завтра ты будешь в другом месте.

– Но...

Мой наглый похититель бесцеремонно меня перебил:

– Успокойся. Ты все узнаешь в свое время.

– Что?! Успокоиться?! Да ты хоть понимаешь, что натворил? Зачем ты сорвал все мои планы, похитил меня, разодрал одежду, раздавил ребра, украл обувь и приволок в холодную сырую пещеру, откуда невозможно даже спуститься?!

Выпалив все это, я почувствовала облегчение – так нужно было на ком-то оторваться, но на Тайлиэне было не с руки – он вроде бы ни в чем не виноват... Да и боязно. А вот своего похитителя я совсем не боялась, по крайней мере, в этом его обличье. А он явно не ожидал такой реакции и удивленно моргая, меня оглядывал. Тайлиэн усмехнулся и спокойно произнес:

– Думаю, тебе лучше ответить на ее вопросы.

– Да? Ну ладно. Обувь я твою не крал, она потерялась ... в пути. Одежду я не специально разорвал, так получилось... И с ребрами тоже – у меня мало практики в переносе ... таких грузов.

Я разъярилась и попыталась сделать к нему шаг:

– Это ты меня, гад, грузом назвал?

Вся моя затея, призванная пристыдить или образумить похитителя, потерпела полное фиаско – каблук все-таки сломался полностью и я грохнулась на пол, вдобавок ко всему еще и стукнувшись затылком о стену пещеры.

Тайлиэн очень шустро присел рядом со мной и взявшись за мои виски, внимательно всмотрелся в глаза. Потом стал щупать место ушиба. От обиды и беспомощности у меня выступили слезы. Черт, всё против меня! Да, я слабее их физически, но в нашей обычной, цивилизованной жизни это не имело бы значения... Да еще и какие-то волшебные способности... С ума сойти, кто бы сказал, что именно со мной такое произойдет – плюнула бы в лицо и отправила в помещение с мягкими безопасными стенами. А тут самой впору туда отправляться!

Тайлиэн, видимо, думал так же, потому что уселся напротив меня и снова начал разминать мне ладонь. Голый тип присел на корточки, светя хозяйством. Я недовольно нахмурилась, а мой наладчик указал фрику головой на угол пещеры. Тот куда-то ушел, но вскоре вернулся с одеждой в руках – памятные светлые джинсы и растянутая футболка. Я заду-

малась – а как этот гад нес сюда одежду, если лапы заняты? На хвост надел? До сих пор массирующий ладонь Тайлиэн спокойно проронил:

– Нет, на пальцы.

Я опять начала закипать:

– Послушайте, а никак нельзя не лезть мне в голову? Это у вас в порядке вещей, да?

Тайлиэн ответил:

– Извини. При физическом контакте твои мысли на поверхности и их трудно игнорировать. Кстати, ты можешь называть его ...Неф. Это лучше, чем ползучие рептилии.

Я хмыкнула, а в это время предмет наших обсуждений с недовольной миной натягивал джинсы. Прямо так, на голое тело. Н-да... Понятно, почему он такой злой и неприступный – наверное, уже все себе там швами понатирал. А вот свою растянутую, замусоленную и бывшую когда-то белой футболку он бросил мне на колени. Тайлиэн понимающе кивнул и стал медленно и осторожно снимать мой исполованный пиджак, а затем и остатки рубашки. Я опешила и попыталась его остановить, на что он ответил:

– Эта одежда уже не представляют никакой практической ценности – ни тепла, ни защиты от чужих глаз. Так что... – увидев под рубашкой еще и бюстгальтер, он недоуменно нахмурился и спросил – Неф?

Тот без всякого сомнения меня обнял, быстро и умело расстегнув на спине бюстгальтер. От прикосновения его го-

рячих рук меня бросило в жар, но я взяла себя в руки:

– А белье вам чем мешает?

Тайлиэн ответил:

– У тебя ушиблены ребра. Было бы крайне нежелательно дополнительно их стягивать, тем более во сне.

– Во сне?

И только сейчас, глядя между моими собеседниками на выход из пещеры, я обнаружила, что день-то уже заканчивается! Когда же он успел пройти? Или я утром так поздно проснулась? Вот так, за болтовней, промелькнул целый день? Или я уже в помещении с мягкими стенами и мне все это снится?

Неф, до сих пор поглаживающий мои ребра, но откровенно разглядывающий пришедшую в боевую готовность грудь, сказал:

– Не переживай, ты не сошла с ума. Мы постараемся этого не допустить. Просто время ...не везде течет одинаково.

Я назло ему быстро надела лежащую у меня на коленях футболку. Он насмешливо улыбнулся и все же обвел пальцем торчащий сквозь ткань сосок. Потом обратился к Тайлиэну:

– Ты решил?

– Да. Она должна прочувствовать.

Неф возмущенно закричал:

– Да ты представляешь, что она там устроит?! Она нарушит всю цепь...

– Она будет наблюдателем. – спокойно перебил его Тайлиэн.

– Н-да?

– Ты пойдешь с ней.

– Что?!

– Ты знаешь, что заслужил это.

– Но...

– Мне нужны их образы.

– Да, конечно.

Они оба встали и подошли к выходу из пещеры. При свете клонящегося к закату солнца Тайлиэн взялся пальцами за виски Нефа и пристально уставился в его глаза. Какое-то время они так и стояли, а мне почему-то стало жутко от этих двух застывших фигур. Наконец блондин отпустил похитителя и устало сказал:

– Ты будешь мне нужен перед рассветом.

Неф тщательно тер глаза:

– Да, я понял.

– Ребра.

– Да знаю я, знаю!

Тайлиэн ободряюще мне улыбнулся и вышел из пещеры. Я видела краешек его плеча и волосы – похоже, он примостился там же, где мы сегодня беседовали.

А вот Неф вернулся, уселся предо мной, снял мою покоренную туфлю, небрежно ее выкинул и начал крутить и

растирать вывихнутую щиколотку. Я молча за ним наблюда-
ла. Он бесцеремонно обхватил мою скулу и приник к губам.
Я сначала опешила, а потом подумала:

– Что, даже и пальцы переплестать не будешь?

– А зачем? Общаться мы и так сможем, а подавлять твою
волю у меня сейчас нет необходимости.

– Очень самонадеянно.

Придерживая одной рукой мою голову, он второй акку-
ратно уложил меня прямо на пол пещеры. На удивление,
здесь оказалось не так уж и плохо – маленькие колючие ка-
мешки покрывали пол ближе к выходу, а здесь подо мной
оказалась цельная масса горной породы – твердая, но не ко-
лючая, как обычный пол. Продолжая поцелуй, он мысленно
спросил:

– Ты же не будешь меня убеждать, что этого не хочешь?

Я промолчала – оба ответа не подходили для озвучивания.
А в это время, задрав на мне свою же футболку, он довольно
жестко целовал грудь. Я решила поговорить вслух, для раз-
нообразия:

– Смотри не отгрызи. У тебя там в пылу страсти клыки,
случайно, не отрастают?

Отпустив грудь и сверкнув глазами, одной рукой он начал
стягивать с себя штаны. У него ничего не получилось, тогда
он встал и сделал это стоя. Последние лучи солнца осветили
его силуэт и я, все еще под впечатлением от недавних горя-
чих ласк, засмотрелась...

– Слушай, у меня вообще-то ребра помяты, и нога и уши и вообще... – я произнесла это для приличия, пользуясь тем, что сейчас он меня не касается и мысли не читает.

Неф присел на колени у моих бедер и начал бороться с замком на брюках. В полумраке это у него не получалось, и он просто выдрал пуговицу с мясом. Я возмутилась:

– Вот гад, да ты знаешь – сколько этот костюм стоил?!

Полностью игнорируя мои слова, он стянул с меня брюки вместе с трусами. Оставив меня в своей футболке, он улегся рядом на бок, оперев голову на руку, а второй поглаживая мне бедра. Я видела только его силуэт на фоне темнеющего неба. Ну и что это – вот так вот завести девушку, а потом лечь понаблюдать? А он решил поговорить:

– Ты же опытная ...девушка, ты же не будешь портить нам обоим настроение посторонними разговорами и попытками вырваться?

– Ну да, конечно опытная... Но вот с таким...

Неожиданно он перекатился на руки, навис надо мной и шепнул:

– Только попробуй произнести очередное оскорбление!

И резко в меня вошел. Но я уже давно этого ждала, так что с готовностью обняла его плечи. Он так и стоял неподвижно, на руках, и совсем не давил на мои многострадальные ребра. А потом начал волшебным и восхитительно двигаться внутри меня. Я шептала в такт его движениям:

– Но ... у меня ... совсем нет ... опыта общения... с та-

кой... сильной... блестящей... крылатой... ящеркой! – на последнем слове он издал невнятное рычание и закрыл мне рот поцелуем. А когда он отпустил мои губы – мне уже ничего не хотелось говорить, а только кричать, и стонать, и целовать этот источник наслаждения...

Когда все закончилось, я обнаружила себя на его груди. Все еще тяжело дыша, он теребил мои волосы. Интересно, а где же заколка? Тоже «потерялась в пути»? Как же все это сейчас неважно! Да уж, Антон нервно курит в сторонке... Я вернулась в реальность, когда почувствовала, что мой ...новый партнер что-то ищет на полу. Вскоре он нашел, протянул мне мои брюки и хрипло сказал:

– На вот, надень, будет теплее.

– А что, так и будем спать, прямо на полу? – я уселась и надела брюки, не застегивая.

– Не бойся, не замерзнешь.

– Но ты же не будешь э... превращаться?

Томительная пауза.

– Не буду. Хотя так было бы гораздо теплее. Ложись.

Он уложил меня прямо на себе, как на матрасе. Всю, с головы до ног. И обнял сильными теплыми руками. Я лежала на животе, ощущая его терпкий запах, млела от восторга и была совсем не прочь и повторить. Но Неф устало сказал:

– Нам обоим нужно поспать... Нам предстоит серьезное испытание. Ничего не бойся, я буду рядом. А теперь – спи.

Видимо, чтобы я не смогла задать ему энное количество

уточняющих вопросов, он положил мне руку на лицо, напряг пальцы и я провалилась в глубокий сон.

ЧАСТЬ 2. Люся

ГЛАВА 2.1

Кто-то довольно сильно сжал мне грудь. Я выстроила в памяти цепочку событий и улыбнулась:

– Неф, прекрати!

Неподалеку раздалось странное занудное пиканье. От удивления я начала приходить в себя. Я уже не лежала на горячей груди Нефа, а на чем-то неупругом и местами давящем в ребра. А вот ребра, как ни странно, совсем не болели. Но в целом мое самочувствие нельзя было назвать даже сносным – тяжелое дыхание, чувство переполненного кишечника и легкая тошнота. Я попыталась вспомнить – а когда я вообще последний раз ела? Еще до электрички и даже до поездки в область... Вот это да – так это уже больше двух суток прошло! Откуда же тогда такая тяжесть?

Я открыла глаза – беленый потолок, справа, прямо у подлокотника дивана, примостился дешевый китайский будильник и истерично пищал. Я протянула руку и с интересом его рассмотрела.

Выключив будильник и вернув его на место, я обратила внимание на свою руку. Это что еще такое? Неровно остриженные ногти, толстые короткие пальцы, от запястья к локтю

рука расширяется конусом... Я продолжала осматриваться. На моей груди, покрытой дурацкой белой тканью в мелкий синий горошек, возлежала мужская рука. Я повернулась набок и приподнялась на локте, от этого подо мной скрипнули пружины, и что-то еще большее уперлось в ребра. Рука соскользнула на простынь, а вместе с ней и ...грудь. Она стала такой большой, что в этом положении падала на кровать! Истерично расстегнув верхние пуговицы ночной рубашки и запустив руку в образовавшийся вырез, я приподняла грудь и с удивлением ее рассматривала. Но как же это? Ведь я ощущаю прикосновения, это моя грудь, но почему же она, как и рука, совсем другая?

Недалеко кто-то хмыкнул, и я подняла взгляд. Вот и он, обладатель мужской руки. Чуть приоткрытые опухшие веки, насмешливый взгляд светлых глаз и взъерошенная пшеничная шевелюра.

– Что, Люська, играешься? А давай вместе?

От него четко разило перегаром и нечищеными зубами, но он потянулся ко мне с явным намерением «поиграться». Я быстро развернулась с твердым желанием вскочить с дивана и оказаться за пределами его посягательств. Вернее, я попыталась это сделать, но тело ворочалось тяжело и медленно, а мышцы оказались слабыми и дряблыми. Похожие ощущения испытываешь в воде – там тоже трудно быстро двигаться.

Я спустила ноги на пол и испуганно осмотрела свои колени. Это не мое, чужое тело, но ...я его чувствую и я им

управляю! Ноги вызвали ощущение брезгливости – от коленной чашечки к паху они расширялись. Вдруг по одной из них поползла та же рука:

– А ты и там разглядываешь? Дай и я тоже посмотрю!

Я испуганно сбросила его руку и вскочила на ноги. Меня сразу зашатало, будто на плечах оказался мешок муки. Еле удержав равновесие и встав ровно, я осмотрелась. Утреннее солнце радостно заглядывало в окно, под босыми ногами замызганные половицы, напротив шкаф-буфет с выставленными напоказ сервизами, какие-то фотки на стенах, большой коричневый стол с местами ободранной полиролью... Похоже, это даже не спальня, а гостиная, общая комната. Ничего не понимая, я так и стояла, снова и снова оглядывая окружающее. Мой разум искал зацепку, объяснение происходящему. И нашел – в стеклянных дверцах буфета я увидела отражение. Оттуда на меня смотрела всклокоченная и перепуганная, в дурацкой ночной рубашке... толстуха из электрички.

Я в ужасе разглядывала отражение в дверце. Вдруг в голове четко прозвучали чужие мысли:

– Нужно идти в ванну, пока свободна.

Я оторопела:

– Ты кто?

Голос явно растерялся:

– Я? Это я. Люся. А ты кто?

– То есть ты – хозяйка тела? Это твое отражение в стекле?

Голос долго и испуганно молчал, а потом все-таки ответил:

– Ну да. Похоже, у меня раздвоение личности – разговариваю сама с собой.

Я захотела хоть как-то ее утешить, понимая – в каком она ужасе:

– Люсь, да ты не переживай, я здесь ненадолго. По крайней мере, я на это надеюсь... Я ничего тебе не испорчу и в твои дела вступать не буду.

По-моему, Люся мне не поверила и ничего не ответила, накинула синий цветастый халат, растасканные шлепанцы и мы пошли.

Ванная оказалась тем еще убожеством – явно самодельная, ванны как таковой не было, вместо душевой кабины отгороженный клеенчатой занавеской закуток, жуткий шатающийся на кирпичах унитаз и местами проржавевший металлический умывальник, над которым висело маленькое круглое зеркало. Люся деловито умылась, почистила зубы и придирчиво себя оглядела. Я видела ее мысли и чувства – она не любовалась собой, а просто проверяла качество умывания. После чего вытащила из кармана расческу и тщательно расчесалась, завязав волосы в хвост на затылке. Я не удержалась и спросила:

– А побольше зеркала нет?

Она опешила, но ответила:

– А зачем?

– Ну не знаю – любоваться, краситься, может, прыщик какой обнаружить.

Люся криво усмехнулась и, пристально глядя себе в глаза – довольно красивые, между прочим, темно-синие – мысленно ответила:

– Любоваться? Так было бы чем. А краситься я не крашусь. И прыщиков не будет, если кожа чистая. Может и хорошо, что большого зеркала нет, чтобы лишний раз не расстраиваться!

Я частично с ней согласилась – кожа и волосы у нее действительно были хорошими, не проблемными. Я шепнула:

– Может, душ? Не переживай, я не буду смотреть, что и как ты там моешь.

Все так же глядя себе в глаза, она удивленно качнула головой. Потом сняла халат и ночнушку, аккуратно повесила на вбитый здесь же гвоздик и мы вместе шагнули за занавеску. Во время омовения я отводила глаза и разглядывала окружающее – почему-то меня смутила пакля, торчавшая рядом с душем у всех на виду. Я брякнула:

– Ужас! Как будто чьи-то волосы вырвали и на трубу намотали. Неужели нельзя было хотя бы спрятать?

Услышав меня, Люся переполошилась:

– Где волосы? Я все в руку собрала!

– Да вон же, на трубе.

Люся с непонятным мне трепетом провела по указанной трубе и пакле, а меня неожиданно обдало волной тепла и

нежности:

– Это Сережа все сам сделал. И бойлер установил, теперь у нас и горячая вода есть.

– Хм... Сантехник, что ли?

– Да.

Люся старательно вытерлась и задумалась:

– Интересно, Федоровна в таком случае поможет? Может, таблеток каких выпишет? Только бы не отправила никуда ехать, тут и так...

Я категорично ответила:

– И не думай! И себя отравишь, и овощем станешь – при этих словах Люся ощутимо вздрогнула.

Вдруг дверь ванной загрохотала:

– Люська! Ты че там так долго? У тебя все хорошо?

Люся испуганно сжалась, но потом ответила:

– Да, все хорошо! Я уже выхожу!

Я решила ее подбодрить:

– Переживает, волнуется... Да и привлекаешь ты его.

Люся, надев халат, но уже без ночнушки, недоверчиво посмотрела в свои глаза.

– Да ладно, кого я могу привлекать?

Я хмыкнула:

– Привлекаешь. И сама об этом знаешь. Где-то очень глубоко внутри.

Люся с ненавистью сжала складку на животе – безобразный фартук, она еле обхватила его большим и указательным

пальцами. Сжав его так сильно, что я охнула от боли, Люся с презрением произнесла:

– Да уж, где-то ну о-очень глубоко, так что и не видно!

Ох, как все тяжело! Я решила ее отвлечь:

– Да ладно тебе, я думаю – он тебя любит. Заботится вон, ванную сделал – при этих словах Люся взволнованно задышала и я опять почувствовала что-то мягкое и теплое внутри этого огромного тела. А меня как кто-то дернул за язык:

– А почему квасит-то?

Люся с болью и недоумением всмотрелась в свои глаза, покачала головой и мы вышли из ванной.

Она уверенно завела нас в комнату, в которой мы спали. В коридоре я явно ощутила запахи выпечки – блины или оладьи, но Люсю это почему-то совсем не воодушевило. В комнате она открыла старый деревянный шкаф, на дверце которого оказалось большое зеркало, и начала одеваться. Сначала я отводила взгляд, но когда ощутила на теле белье, не удержалась и посмотрела в зеркало. Увиденное глубоко меня шокировало – одно дело представлять себе, что такое вообще возможно или брезгливо отводить взгляд от подобных фотографий, а совсем другое – увидеть себя такой в зеркале. Сейчас я все остро ощущала, я рассматривала это грузное тело как свое собственное. Не подумав, я сболтнула вслух:

– Зачем же ты так себя запустила, Люсь? Ведь симпатичная в принципе девочка...

Она со слезами на глазах повторила:

– Девочка?

Неожиданно яркая и пронзительная картинка возникла в голове – я видела и чувствовала это, как собственное воспоминание...

...Я бегу по траве босиком. Босоножки в руках стучат по пальцам, но это не имеет значения. Я молода, красива и желанна! Я уже запыхалась, утренняя роса холодит пальцы на ногах, необыкновенно чистый воздух наполняет тело, солнышко ласково согревает кожу, я верю и знаю, что вся жизнь впереди, что она будет такой же прекрасной, как и этот момент! Я стараюсь сдержать счастливый смех, но у меня это плохо получается. Растрепанные волосы щекочут плечи, сшитый бабушкой шелковый васильковый сарафан обнимает бедра. Я пытаюсь спрятаться за березкой, и мне это почти удается, не считая немного выпирающей из-за дерева груди. Ну да ладно, пусть уж «эта красота», как говорит Сережка, выглядит... А вот и он. Конечно, он меня догнал, я и не сомневалась! Крепкий и подтянутый юный голубоглазый блондин, мой тайный воздыхатель с детских лет. Последние годы – не такой уж и тайный. Я подглядываю за ним из-за березы, а он меня замечает, подбегает и крепко обнимает нас обеих – и меня и березу. Потом аккуратно отделяет меня от дерева, придерживая за руку, и со смехом укладывает на влажную траву. Се-

режска, как зачарованный, смотрит мне в глаза – а я и сама знаю, что сарафан еще больше подчеркивает их цвет – бабушка знала, что выбирать. Серезка целует мои глаза, щеки и губы, потом продвигается ниже. Я кокетливо изгибаю шею, позволяя ему себя целовать – приятно же, черт возьми! И вот он уже растянул верхние пуговицы сарафана и с упоением целует мою грудь, от которой он без ума. Мне так хорошо, что даже страшно – и от этого страха я начинаю приходить в себя:

– Нет, Сержик, нет, не сейчас.

Он с неохотой останавливается и замирает, уложив голову на моей груди:

– Ты права, не сейчас. Остановиться я уже не смогу. Люсь, а может, не ехала бы никуда, а?

Я ласково перебираю его пшеничные блестящие волосы:

– Да ладно, Сержик, ты же в армию уйдешь... А вернешься, через пару годиков и я подтянусь. Вот тогда и поговорим.

Серезка, прозванный мной Сержем за такое же восторженное обожание, как в фильме о гардемаринах, который мы вместе смотрели подростками, не отрывает от меня сияющих глаз.

– Девочка моя... Девочка моя синеглазая! – и опять тянется к губам...

Воспоминание растаяло, я и Люся опять были в реально-

сти. Мы с тоской оглядывали безобразное тело в зеркале, отвратительную складку на некогда такой изящной шейке... А ведь она еще так молода! Сколько ей? Тридцать пять? Тридцать семь?

По лицу Люси текли слезы, губы закушены до крови от еле сдерживаемых рыданий. Я чувствовала ее боль, морально и физически. В голове пронеслось:

– Тридцать...

Да уж... Из-за двери раздался недовольный голос:

– Люська, да что с тобой сегодня? На работу опоздаешь!

Люся шмыгнула, глубоко вдохнула и ответила:

– Да, Сереж, я сейчас! Уже одеваюсь!

Она сняла с вешалки идеально выглаженную широченную прямую юбку ниже колен и бесформенную серую блузку. Одевшись, критически оглядела себя в зеркале. Нелепый круглый вырез блузки только подчеркивал некрасивую складчатую шею, а серый цвет делал кожу блеклой и неинтересной. В таком виде она выглядела еще старше, чем в раздетом. Я не выдержала и вмешалась:

– Люсь, да подожди ты! Неужели ничего получше нет? Ну, хотя бы по цвету...

Все еще шмыгая, она ответила, да еще и вслух:

– Да вот, все что есть... Докатилась – сама с собой советуюсь!

Я пробежалась взглядом по вешалкам:

– А вот эта синяя блузка? Мне кажется – тебе пойдет!

– Да ну, я в нее не влезу.

– Уверена? Ну хоть попробуй!

Люся передела блузку – уже чуть лучше, четкие линии воротника рубашечного покроя делают более выразительными линию скул и подбородка и немного скрывают складку на шее. Цвет очень удачен – кожа становится золотистой, а глаза сияют синим огнем. Да и покрой хоть как-то намекает на талию. Я говорю:

– Ну вот видишь, так значительно лучше! Это явно твой цвет.

Люся всхлипнула:

– Да уж... Но я не могу так идти – видишь, какая тесная!

– Живот подтяни!

– Чем?

– Прессом!

– Да нет его, пресса!

– А ты подтяни тем, что есть!

Люся сильно подтянула живот. Да уж, блузка тесновата. Но все-таки – совсем другое дело!

– Я не смогу целый день так ходить! Я ведь даже вдохнуть толком не могу!

– А ты не пузом дыши, а грудью – она-то у тебя вон какая! – произнесла я, желая подбодрить женщину.

Она расплылась в беззащитной улыбке:

– Да, ты тоже заметила? Как давно мне этого не говорили! А как тебя зовут-то?

– Ольга.

Люся какое-то время улыбалась, а потом вслух прошептала:

– Боже мой, с кем я разговариваю! Срочно к Федоровне!

А я не унималась:

– Да погоди ты! Заколка есть?

– А? Что? Да, где-то есть.

И она начала рыться в ящике с бельем. Я возмутилась:

– Люсь, а у тебя туалетный столик есть? Ну, или хоть тумбочка для всякой мелочевки?

Она явно растерялась:

– Что? Нет. Это ведь не мой дом... Да и зачем она мне?

– Ну как же... Ты же женщина! Расчески, заколки, косметика...

– Ой, да мне не до того.

– Это ты зря. Распусти волосы. Распусти волосы, тебе говорю! – и я попыталась поднять ее руку. К моему и ее изумлению, у меня это получилось. Я содрала резинку с волос и каштановые чуть выющиеся локоны рассыпались по плечам.

– Распуши немного, еще! Чтоб было видно, что они выются, чтоб была видна их мягкость. Зачем же их затягивать?

– А так я похожа на гриб.

– Да, есть немного. Подбери боковые волосы и заколи сзади, удлиним лицо. Да не затягивай, просто заколи! Ну вот, а теперь – живот поджать, глазам сиять и вперед! Стоп, а что это у тебя на ногах – ты так в тапках и пойдешь?

– Нет, но туфли я уже на выходе обую.

– Н-да? Ну ладно. Вперед, красотка, выше подбородок, весь мир у твоих ног!

Мне очень хотелось поддержать эту несчастную женщину, после увиденного и прочувствованного воспоминания она стала мне ...родной. И мы вышли из комнаты.

ГЛАВА 2.2

На застекленной террасе на длинном столе нас ожидала большая тарелка с румяными оладьями. Наш общий желудок сжался в радостном предвкушении. За столом сидел Люсин хахаль и уплетал оладьи со сметаной. Увидев нас, он замер. Люся до боли в мышцах напрягла живот и остановилась, взволнованно дыша, в ожидании его реакции. В умытом и одетом состоянии он был очень даже ничего. С явным интересом ее осмотрев, он спросил:

– Люсь, ты куда-то собралась? Или праздник какой?

Люся стояла в ступоре, а я подумала:

– Да улыбнись же, улыбнись!

Она никак не отреагировала, тогда я попыталась сама. Это оказалось невероятно трудным делом, гораздо более трудным, чем вскочить с кровати или сдернуть резинку с волос. Наверное, улыбаться может только хозяин тела. Кое-как подтянув уголки губ кверху, я успокаивающе, как могла ласково, произнесла:

– Нет, Сереж, никакого праздника.

Он еще внимательнее на нас посмотрел, явно заинтригованный. Откуда-то справа вышла пожилая худощавая женщина и неприязненно произнесла:

– Людмила, сегодня утром я опять нашла волос в умывальнике. Потрудись быть аккуратнее.

Я почувствовала страшную усталость и опустошение – казалось, эта женщина одним своим появлением высосала всю радость жизни Люси, которая молчала и вслух и про себя. Я распрямила ее опустившиеся плечи, развернулась к карге и нарочито вежливо ответила:

– И вам тоже доброго утра! Потружусь.

Карга удивленно двинула бровями и прищурилась – явно приняла вызов. Люся устало шепнула:

«Это не просто карга, а моя свекровь, Зинаида Карловна.»

Ах вон оно что! Ну что ж, посмотрим. Я думала, что Люся, наконец, присядет позавтракать, но она вдруг повернула не к столу, а в противоположную сторону. Ее сердце забилось чаще и сжалось от щемящей нежности, да так, что я оторопела – еще никогда в жизни я не испытывала чувства подобной силы...

В инвалидной коляске, освещенная лучами утреннего солнца, сидела маленькая девочка. Примерно шести – семи лет, в легком белом платье, с тоненькими очень бледными ручками и ножками. Пшеничные папины локоны и синие, опущенные темными ресницами глаза дополняли образ маленького ангела. Еле сдерживая стоящие в глазах слезы, Люся присела перед коляской.

– Доброе утро, Раечка! Как спалось? Тебе нравится солнышко? Смотри, оно заглядывает прямо к нам в окошко, чтобы согреть твои ручки.

Люся взяла холодные пальчики малышки и поднесла их к

губам. Девочка никак не отреагировала и продолжала смотреть в окно. Я чувствовала, что меня вместе с Люсей накрывает такая волна горя и отчаяния, что стало страшно. Казалось, все счастье мира сосредоточено в этих маленьких ручках, на них капали горячие слезы Люси, но они все равно оставались холодными. Я чувствовала, что Люся не может дышать, что сейчас она разрыдается, и мысленно прошептала:

– Люсенька, милая, дыши глубже. Медленный протяжный вдох, еще... и еще...

Люся послушно подышала и немного пришла в себя. Еще раз поцеловав ручки девочки, она отошла к столу. Сергей уже куда-то вышел и карга явно приободрилась.

– Сегодня кто-то целых сорок минут сидел в ванной, забыв, что в этом доме живут люди!

Настроение у меня после перенесенных эмоций было ни к черту, Люся вообще обессиленно притихла, так что я решила ответить за нее:

– И этот кто-то, судя по построению предложения, к людям не относится?

Старая карга вскинула подбородок и развернула знамена:
– Этот кто-то – грязная шалава, пользующаяся наивной влюбленностью доверчивых мальчишек!

Я даже опешила:

– А можно хотя бы при ребенке яд не испускать?

– Она все равно ничего не понимает! От худого семени не

жди доброго племени!

Где-то внутри меня пыталась образумить Люся, напоминая о том, что я обещала не вмешиваться в ее жизнь, но меня уже несло как по кочкам:

– Ах ты, старая оглобля! Да это же твоя внучка!

– Это еще спорный вопрос! Вон у Настасьи – мой внук, а это – приبلуда! А вот тебе за оглоблю, неряшливая корова!

Из наших общих с Люсей глаз фонтаном брызнули слезы, а карга подошла и отвесила нам сочную оплеуху. Вдруг откуда-то из комнат прискакал крупный черный котяра и, запрыгнув на стол, злобно зашипел на старуху. Очень красивый, с блестящей смоляной шерстью и ярко-зелеными глазами, он выглядел потрясающе – плотно прижатые уши, сморщенный нос, расширенные зрачки, немалые клыки и угрожающе поднятая лапа с выпущенными когтями. Прямо как пантера в миниатюре. Карга раскричалась:

– Это еще что? Сережик! Убери эту тварь отсюда!

На ее вопли из недр дома выскочил Сергей и топнул на кота, прогоняя его срывающимся голосом:

– А ну брысь отсюда!

Кот и не думал уходить, но перестал скалиться и шипеть, прижался к столу и настороженно поглядывал на Сергея. Тот растерянно осмотрел нас и спросил:

– Откуда он тут взялся?

И я вдруг поняла, почему он убежал в комнаты, хотя и слышал нашу ругань с матерью. Его глаза были красны от

слез – он расплакался, когда Люся подходила к девочке. Мое, а вернее, Люсино сердце дрогнуло от жалости и нежности. Карга холодно ответила:

– Эта тварь защищала твою женушку. Оно и понятно – у ведьмы и должен быть черный кот! Убери его отсюда, сынок!

Сергей изловчился и, схватив кота за шкурку, собрался его куда-то нести. Кот же принял самый что ни на есть смиренный вид и покорно висел, как плюшевая игрушка. Вдруг в наступившей тишине раздался тихий голос:

– Папа!

Мы все обернулись на звук – мое маленькое золотце, моя солнечная малышка смотрела на Сергея и протягивала к нему руки. От переполняющей душу нежности я назвала ее именно так, ведь я чувствовала то же, что и хозяйка тела. Люсино сердце подпрыгнуло от оглушающего счастья, а мысли заметались, как испуганные бабочки:

– Она говорит! Боже мой, она говорит!

А девочка, не обращая внимания на всеобщий шок, еще выразительнее протянула ручки и сказала:

– Дай!

Стоявшая до этих пор с открытым ртом карга пришла в себя:

– Сергей, не вздумай! Он может ее оцарапать! Да и вообще, наверняка на нем кишмя кишат блохи и глисты и всякая зараза!

Но Сергей, не обращая ни на кого внимания, нес кота до-

чери. Подойдя, он усадил животное на худенькие коленки малышки, а кот вальяжно разлегся, ткнулся носом в руку ребенка и утробно замурлыкал.

Не отрывая глаз от глянцевой спинки, девочка сосредоточенно его гладила. Кот заурчал еще громче и перевернулся кверху животом. Мы с Сергеем радостно переглянулись. Он сказал:

– Пусть кот останется у нас.

Карга возмутилась:

– Но...

Сергей с нажимом повторил:

– Пусть кот останется у нас. Ты же сама видишь... – казалось, он не смел вслух сказать о том, что девочке явно лучше, чтобы не спугнуть такое неожиданное призрачное счастье. Потом он обвел нас взглядом:

– Ну все, я пошел. До вечера. – и вышел за дверь.

Люсино сердце сжалось от тоски. Я шепнула: «Не стой столбом, догони его!»

Не сразу, но она послушалась. Догнав его почти у калитки, он позвала именем, навеянным сегодняшним воспоминанием:

– Сержик!

Сергей стремительно обернулся, вернулся к Люсе и сжал ее в объятиях. Я чувствовала его слезы на своем виске, а он крепко обнимал ее раздавшуюся талию и шептал:

– Девочка моя... Девочка моя синеглазая...

От этих слов Люся разрыдалась и я, честно говоря, тоже. Я ведь ощущала собой все ее эмоции, я впитала их, будучи в этом теле.

Какое-то время мы просто стояли и плакали. Я будто слышала, как падают камни с Люсиной души, я чувствовала ее облегчение. В конце концов, наплакавшись и нашмыгавшись, Люся посмотрела в глаза Сергею – красные от долгих слез, они светились нежностью и любовью. Он с улыбкой спросил:

– Ну и куда ты пойдешь с такими глазами?

Люся рассмеялась:

– Да ты на себя посмотри!

Сергей улыбнулся еще шире и поцеловал ее. Я напряглась – приятно, конечно, но как-то ...неуютно.

– Я пойду, Люсь, я и так уже безнадежно опоздал.

И он выскочил за калитку.

Люся подумала:

– А я ведь так и не обулась! И тоже давно опоздала!

И мы пошли обратно в дом. У дверей стояла Люсина све-кровь и странно на нее смотрела – казалось, с состраданием. Она явно видела всю сцену у калитки. Я буркнула:

– Ну вот, сейчас начнется...

Люся мысленно ответила:

– Не обижайся на нее. Знаешь, есть китайская пословица: «Не осуждай человека, пока ты не пройдешь милю в его

туфлях». Ее тоже можно понять – у нее, кроме сына, никого нет, а тут вот...

– Что – «вот»?

– Давай не сейчас, я только успокоилась... Я уже много лет не чувствовала себя так легко и спокойно, спасибо тебе за это! Пусть я больная, пусть я завела себе воображаемую подругу, но спасибо – ты меня встряхнула, напомнила – кто я.

Я озадаченно ответила:

– Да пожалуйста.

И только сейчас я поняла, что все эти сумасшедшие несколько часов не вспоминала о своих проблемах – так плотно я была вовлечена в Люсины. Мы зашли на террасу, Люся наконец-то обулась и забрала объемную грубую сумку. Девочки здесь уже не было, но Люся без сомнения вышла из дома и обошла его. Здесь, в тени старых деревьев, стояла инвалидная коляска с частично откинутой спинкой, а в ней спала накрытая клетчатым пледом малышка. Рядом на скамье гордо восседала карга и читала книжку. Люся подошла к девочке, поправила уголок пледа, какое-то время на нее смотрела и сказала карге:

– До свидания!

Та только снисходительно кивнула. На подходе к калитке нас догнал тот же черный котяра и принялся тереться о Люсины ноги. Она взяла его на руки и почесала ему подбородок, а он блаженно зажмурил ярко-зеленые глаза. Люся сказала:

– Какой хороший котик! И откуда ты такой ласковый взялся? Теперь ты будешь жить у нас! Как же тебя назвать?

Неожиданно в голове прозвучало:

– Ты можешь звать меня Нефелим.

Мы обе обомлели и выпустили кота из рук – Люся от ужаса, а я от удивления. Но он крепко ухватился за ее шею лапами и так и висел, почти вплотную глядя нам в глаза. Наконец, я пришла в себя:

– Если ты когтями порвешь Люсе единственную нормальную блузку – придушу!

Кот тяжело вздохнул и мысленно ответил:

– Ох, какая же ты ...злая! Тебе так не понравилась наша прошлая встреча?

– Дурак! При чем здесь это?!

– Так обними меня толком! Если я упаду на землю, то мы не сможем общаться. Нужен физический контакт. Ну ладно, представь меня уже своей... подруге, а то ее сейчас удар хватит.

Я крепко подхватила кота и пришла в себя:

– Люсь, что молчишь? Люся, ау, ты где?

Наконец, Люся откликнулась:

– Ну, знаешь ли... Внутренний голос и воображаемая подруга – это еще ладно, но говорящий кот – это уже последняя стадия!

– Люсь, ты только не переживай! Это не кот, он попал в это

тело так же, как я в твое – поверь, отнюдь не добровольно!
Это Неф, он мой... – я замялась.

Кот ехидно подсказал:

– Фрик, ящерка и новый партнер.

Я смутилась:

– А подслушивать мысли, между прочим, нехорошо! Так это ты для этого меня на себе раскладывал – чтоб мысли подслушать?

– Да ладно тебе, чтобы подслушать твои сверхтайные мысли – мне достаточно просто взять тебя за руку. Я хотел, чтобы тебе было тепло и мягко.

Возникла небольшая пауза, в которую вклинилась Люся:

– А ...партнер – это в чем?

Я раздраженно бросила:

– Угадай с трех попыток...

Люся иронично протянула:

– Замечательно. Мой внутренний голос спит с котом. Федоровна оценит.

Неф возмутился:

– Нет, это совсем не так! Ольга, покажи ей! Просто вспомни, вызови визуализацию!

– Да не хочу я!

Люся подключилась к уговорам:

– То есть тебе мои воспоминания можно смотреть, а мне твои – нет?

– Но не такие же интимные!

Неф не выдержал:

– Тогда я покажу!

– Не вздумай! Трепло! Ты же мужчина, в конце концов!

– Тогда ты показывай!

Я тяжело вздохнула:

– Ладно. Я покажу... Чуть-чуть. Люся, закрой глаза и сосредоточься.

Люся так и сделала. А я попыталась в подробностях вспомнить тот вечер и начало ночи – обнаженный Неф в зыбком свете уходящего дня, его жадные губы, мои руки кажутся такими белыми на фоне его волос и потолка пещеры, упительные толчки внутри меня, взрывающий тело восторг... Неожиданно в мои воспоминания вторглись чужие, с другой точки зрения – моя грудь колыхается в такт движениям, белое податливое и гибкое тело, мягкие так удобно устроившиеся в руках ягодицы, затуманенные в экстазе глаза, влажные стонущие губы... Неф разбавил картинку своими воспоминаниями, и она стала полнее, объемнее.

Возбуждение охватило всех нас, я даже ощутила учащенный пульс Люси, чувствовала упирающиеся в белье твердые соски и приятные спазмы внизу живота. Я решила прекратить это безобразие, открыла глаза и возмущенно встряхнула кота.

– Хватит, слышишь! Этого вполне достаточно! Мы вообще-то на работу шли!

Кот открыл свои наглые зеленые глаза. Неожиданно даже

для себя я прижала его к лицу и прошептала вслух:

– Я скучаю по тебе, засранец...

Кот мысленно ответил:

– Неправда, я чистый! Так в чем проблема – я ведь здесь!

– В этой ...форме ты вызываешь у меня совсем другие чувства!

– Ну тогда не мучай животное, нечего его так сжимать. Я тоже скучаю, красотка.

Наконец, растерянно откликнулась Люся:

– Спасибо, что показали... Вот я и увидела тебя, Ольга.

Вы очень красивые. Оба.

– Спасибо, дорогая. А теперь отпускаяй этого дармоеда, пусть сам идет.

Неф внимательно посмотрел нам в глаза:

– А что, слабо понести котика на ручках?

– Да мы вообще-то на работу идем. Люся, ты где работаешь?

– На почте...

– Ну и как ты себе это представляешь, пушистая твоя морда? Мы с котом на руках пойдем на почту?

– Да ладно тебе, перед дверью отпустишь. А пока неси, пообщаемся к всеобщему удовольствию.

Люся тяжело вздохнула, поудобнее перехватила кота и мы, наконец, вышли за калитку.

ГЛАВА 2.3

– Люсь, а на чем поедem-то?

– Да ни на чем... Тут пешком двадцать минут.

– Ну ладно, пошли. А ты, наглая твоя морда, давай рассказывай – что вообще происходит и почему мы вдруг здесь оказались?

Кот зажмурился и начал лапками массировать Люсе грудь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.